

ОЧЕРК ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ БОЯРИНА ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА В 1654 Г. НА НОВГОРОДСКОМ ФРОНТЕ

I

Назначение В. П. Шереметева с тов[арищами]

5 октября 1653 г., в тот же день, когда у царя были на отпуске «посланники» гетмана Богдана Хмельницкого и им было сказано государево жалованье, что государь принимает гетмана и войско запорожское под свою государеву «высокую руку», царь послал в Великий Новгород собираться с ратными людьми боярина и воево-

ду Василия Петровича Шереметева, окольного Семена Лукьяновича Стрешнева, думного дворянина и ясельничего Ждана Васильевича Кондырева и дьяка Дмитрия Шубина. «А товарищу боярина и воеводу Василия Петровича Шереметева окольному и воеводе Семену Лукьяновичу Стрешневу, указал Государь собираться с ратными людьми во Пскове. А, собрався, указал Государь...^{*} сходить на рубеже на срок, Мая в 20 день; а с того срока указал Государь боярину и воеводам Василию Петровичу с товарищи и со всеми ратными людьми итти под город под Невль и под иные литовские города, и государевым делом над городами и над Польскими и Литовскими людьми промыслить, сколько милосердый Бог помощи подаст.

А на отпуске боярин и воевода Василей Петрович с товарищи были у государя у руки сего числа, в соборной церкви Успения Пресвяты Богородицы, после молебна. А с боярином с Васильем Петровичем отпустил Государь сына его стольника Матвея Шереметева.

И того ж дни пошел с Москвы боярин и воевода Василий Петрович Шереметев с товарищи¹.

Наряд войск в полки В. П. Шереметева

Согласно «наряду» из Разрядного приказа с Василием Петровичем Шереметевым определено было быть на службе:

1) с Василием Петровичем Шереметевым

ка- за ков	московских чинов	— 16 человек	
	новгородцев	— 912 человек	
	псковичей		
	невлян	— 417 человек	
	пусторожцев		
	торопчан	— 210 человек	
	луцких	— 383	} 883 человека
	новгородских	— 300	
	псковских	— 100	
	ладожских	— 100	
	астраханских татар		
	стрельцов 3-х приказов	— 500 человек	
	московских солдат	— 8700 человек ²	
	солдат заонежских и сумерских волостей		

2) с Семеном Лукьяновичем Стрешневым

	московских чинов	— 20	} всего 850 человек ³
	новгородцев	— 729	
	лучан	— 101	

3) с Жданом Васильевичем Кондыревым

	московских чинов	— 7	} всего 658 человек ⁴
	новгородцев	— 640	
	невлян	— 11	
	Общие итоги:	— 11638	

850
658

— 13146 человек⁵

Указанные «наряды» не совпадают обычно с цифрами действительной наличности ратных людей в полку, отчасти потому, что они отставали от «гражданского состава служилых «городов», отчасти по причине нетства». По приведенной смете число новгородцев, дворян и детей [боярских], определяется в 2301 человек. На смотре, произведенного В. П. Шереметевым, «объявилось» сверх «списка» (разрядного) 289 человек; всего новгородцев, дворян, с людьми их в 4 пятинах (кроме Шелонской) на смотре оказалось 2085 человек — исчислял количество служилых людей Шелонской пятины по тем же спискам (246 человек) и, вычитая эту цифру из общей цифры новгородцев (2301—246), получим цифру 2055, близкую к той, какую показал смотр новгородцев в Пскове⁶.

Астраханских татар по росписи ожидали 500 человек, а фактически прибыло их в Псков 372 человека. При этом они вошли в состав полка Стрешнева, а не В. П. Шереметева⁷. Солдат заонежских и сумерских погостов было недослано (из 8000 человек) — 376⁸ и т. п.

Распределение их между В. П. Шереметевым и его товарищами было, конечно, условно и изменялось в зависимости от войн главного воеводы и обстоятельств военных действий и в зависимости от позднейших распоряжений царской ставки.

В. П. Шереметев в Новгороде и С. Л. Стрешнев в Пскове

Ноября 11-го В. П. Шереметев извещал о своем приезде в Новгород и рассылке сыщиков для сбора служилых людей. Ноября 14-го он же [сообщал] о приготовлении к походу в Псков⁹. Судя по отписке В. П. Шереметева от февраля месяца 1654 г., смотр служилых людей производился в Пскове и Новгороде, «которые пятины» [и, очевидно, города] «податны» (т. е. ближе)¹⁰.

Стрельцы Московского приказа Богдана Булгакова прибыли в Новгород на «подъемных» монастырских (71 подвода) подводах еще в ноябре 1653 г.¹¹, а астраханские татары — ногайский мурза Шатемир Исшере и едисакский мурза Касбулат Каспулатович (372 человека) и астраханские стрельцы — 20 человек прибыли во Псков к Стрешневу только в мае 1654 г.¹² Последние прибыли, по видимому, Волгой до Ярославля. [После смотра служилых людей] были отпущены [по домам]¹³.

Новгород и Псков были только сборными пунктами; исходным пунктом похода, в нашем смысле слова — базой, были Луки Великие. Сюда служилые люди должны были свозить свои запасы, получая под них дворы от воеводы. Здесь же были приготовлены казенные хлебные запасы — сухари, крупы, толокно, сложенные в амбарах¹⁴.

Нет сведений, был ли В. П. Шереметев в Пскове.

⁶ Там же. Л. 17—19, 6.

⁷ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 147—151.

⁹ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 105 и об., 107—108.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 102.

¹² Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 28.

¹³ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 175—175 об.

¹⁴ Там же. № 156. Л. 181—183; № 162. Л. 57—61.

^{*} Здесь и далее сокращение цитаты автором (Примеч. составителя)

¹ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III. С. 373—374.

² РГАДА (далее название архива опускается). Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 69—72.

³ Там же. Л. 73—74.

⁴ Там же. Л. 75—77.

⁵ Ср.: Там же. Л. 77 а.

Выступление к литовскому рубежу и пути к нему

От 7 марта 1654 г. прислана Шереметеву грамота выступить из Новгорода на рубеж и ждать там к 20 мая (как указано было выше). Отсюда двинуться под Невль и далее на Полоцк. Семени Лукьяновичу Стрешневу туда же идти из Пскова. Общее указание было дано такое: запретить ратным людям «побивать» и грабить «белорусцов крестьянские веры, которые противны не будут»; если пожелают, могут служить вместе с государевыми ратными людьми¹⁵.

Согласно указу В. П. Шереметева допрашивали дворян и детей боярских, «торговых и всяких чинов людей, которые достаточно знают те, которыми месты» идти из Новгорода в Великие Луки «лутче и бережнее и сколько верст» и на основании их показаний составить росписи «зимнего пути» на Великие Луки через озеро и Старую Русу и летнего — через Порхов. Летом первый путь непроходим «за мхи и за болоты и за озера пройтить немочно и от литовского рубежа та дорога удалена»¹⁶, с другой стороны, о том же летнем пути сказано: «а от литовского рубежа та дорога в ближних местех — 35 верст»¹⁷. Это надо понимать, что протяженностью она (307 верст) больше зимнего (275 верст) от Лук Великих, но проходит близко к литовской границе на западе¹⁸.

Неизвестно точно когда, но уже в мае В. П. Шереметев предпринял походное движение из Лук Великих¹⁹.

II

Начало военных действий

Расстояние от Великих Лук до неприятельских городов определялось так по указанной выше росписи: от Лук Великих до Невельского рубежа — 15 верст, а до Невил — 50 верст, от Лук Великих — до Усвята — 70 верст, от Лук Великих — до Озерищ — 70 верст, от Усвята до Озерищ — 30 верст, от Озерищ до Невил — 15 верст «в сторону», а Усвят от Невил — 70 верст «да Озерища в сторону ж»; от Невил до Полоцка — 120 верст, до Витебска — 120 верст, от Лук Великих до Полоцка — 170 верст. «А меж тех

¹⁵ Там же. № 156. Л. 207—210.

¹⁶ Там же. Л. 245—248.

¹⁷ Там же. Л. 248.

¹⁸ Зимний путь: от Новгорода до первой деревни Пискутка — 15 верст; далее озером до деревни Ужна — 25 верст, до Старой Русы — 15 верст, до деревни Ивановой — 15 верст, до деревни Ясны — 23 версты, до Заполя — 50 верст, до деревни Рачи — 20 верст, до Хлоповшина — 20 верст, деревни Хлавицы — 20 верст, до деревни Захода — 20 верст, до деревни Черной — 20 верст, до деревни Низовицы — 20 верст, до Великих Лук — 15 верст. Всего — 275 верст. Летний путь: «а от литовского рубежа та дорога в ближних местех — 35 верст»: до Порхова — 120 верст, до Вышегородского погоста — 30 верст, до деревни Речки — 12 верст, до Полозова — 20 верст, до Никольского монастыря «что на Плесах» — 15 верст, до Михалкина — 15 верст, до Дворец — 15 верст, до Михалкина погоста — 20 верст, до Дроздова — 30 верст, до Овещ — 10 верст, до Лук Великих — 20 верст. Всего — 307 верст (Там же. Л. 246—248).

¹⁹ Там же. Столбцы Московского стола, № 255. Л. 183.

городов места болотистые и озера и мхи, а ин де бор и речки не-большие; на одной реке меж Невля и Полотцка перевоз, а больше того иных городов не знают»²⁰.

Взятие Невля

В мае В. П. Шереметев двинулся под Невль. Наперед себя он послал «для языков» из полка Ждана Васильевича Кондырева голову новгородского Михаила Васильевича Теглева с сотней Бежецкой пятины и с татары, с новокрещенными²¹. О действиях головы Алексея Буслового сына Бибикова с лучанами и пусторжевцами В. П. Шереметев сообщил, что «под Невль пришел наперед всех сотен и город Невль осадил и путь литовских людей отнял, стал на Полоцкой дороге и никою литовских людей с Невля и к Невлю не пропустил»²². Ждан Васильевич Кондырев, жалуюсь на медлительность Шереметева, писал позднее: «и как боярин Василий Петрович пришел под город под Невль и милостью Божиею и твоим государским счастьем городам Невлем, в другой день тебе государю да били челом»²³. Известно, что Невль сдался 1 июня 1654 г.²⁴ Следовательно, В. П. Шереметев очень точно выполнил задание о сроке начала военных действий после 20 мая.

Поход к Полоцку и его взятие

Далее — военные силы разделились — товарищ В. П. Шереметева С. Л. Стрешнев получил самостоятельное поручение. В то время как Шереметев с главными силами двинулся на Полоцк, Стрешнев другой дорогой пошел под Озерища. Но остановимся на действиях Шереметева. Ждан Васильевич Кондырев так описывал действия Шереметева. В момент взятия Невля «в усздох и по маятностям жили литовские люди безвесно, не чая твоих государевых людей, и я, — писал Кондырев, — холоп твой, боярину Василью Петровичю говорил, чтоб послал по разным дорогам многих твоих государевых людей для тово, что пришли безвесно, а он меня, холопа твоего, не послушал, за литовскими людьми не посылал и учал стоять под Невлем, а каторые поляки невяне невелиские сидельцы говорили, что в Полоцке никою ратных людей нет, и я, холоп твой, боярину Василью Петровичю говорил, чтоб он шол не мешкав под Полоцк; и боярин Василей Петрович на меня, холопа твоего, в те поры кручинилса и под Полоцк не пошел, а стоял под Невлем, три недели, и как, государь, пришел под Полоцк и милостию Божиею и твоим государским счастьем городам Полоцким тебе государю дабили челом на другой день»²⁵. Описание взятия Полоцка по официальному донесению произошло так: пришли под

²⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 248.

²¹ Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 24.

²² Там же. Л. 38.

²³ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 238.

²⁴ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 73.

²⁵ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 238—239.

Полоцк 17 июня, отрезали дороги, «приступали» всеми силами, «стреляли целой день»; «польски и литовски люди, езвиты и шляхтичи и мещане» «добили челом» и город сдали; из них вышли в Польшу 7 человек, прочие «остались в Полоцке на государево имя»²⁶.

Под Полоцком

У Полоцка В. П. Шереметев опять задержался; по мнению Кондырева, это было медлительностью ни на чем не основанной. В момент взятия Полоцка «весть нам, холопом твоим», пишет он, «учинилась, что в Витепске нет никою ратных людей и город не укреплен и хлеба у них нет, и я, холоп твой, учал боярину Василью Петровичю говарить, чтоб он не мешкав шол под Витепск, а в Полоцке оставил твоих государевых ратных людей и о том я, холоп твой, говорил, хотя б из нас ково отпустил с твоими государевыми ратными людьми под Витепск для того, что получная время пришло, и он на меня, холопа твоего, стал кручинитца — «я де укащиков не слушаю» — и под Витепск не пошел и нас не отпустил. А на съезжей двор не ездил, всякие твои государевы дела делал у себя на дворе, а которые отписки к тебе, государю, писаны и от тебя, государя, грамоты приходят о всяких делах, и я того ничево не ведаю. Дьяки и подьячие сидят у него во дворе, а я, холоп твой, приезжал на съезжей двор беспрестанно, и мне было делать нечево без боярина. И, мешкав, государь, он боярин не малое время, выехал на съезжей двор, и в те поры многие люди сошлись, и я, холоп твой, учал боярину в Приказе говарить, чтоб итти под Витепск и за каким делом в Полоцке стоим для того, чтоб многие люди слышали; и в то, государь, время учал на меня кричать новгородец Иван Милюков с товарищи, чтоб под Витепск не итти — «я де ото всей рати бью челом, у нас де запасы не готовы». И боярин промолчал, только, государь, и молил — «видишь де, дворяне бьют челом», — и я, холоп твой, вслух всем дворянам говорил — по вашему велению Иван Милюков приходил с таким шумом? И дворяне мне, холопу твоему, сказали, — «мы де ево, Ивана, о таком деле вам бить челом не посылали, нешто де хто ево друзья с ним советовали или де хто ево научил, а мы де служить государю ради, зашто нам нейтить. И жил, государь, боярин Василей Петрович в Полоцке восм недель, а дела никакова не бывало, акроме трех недалних посылак»²⁷. Трудно проверить, была ли эта медлительность основательна или действительно это было только «мешканье», как освещал дело Ждан Васильевич Кондырев.

В какой степени служилые люди испытывали продовольственное затруднение? В качестве иллюстрации приведем одну челобитную торопчан и холмичей беспоместных и малопоместных новиков «служивые и не служивые в сем городах»: «оскудали» и «одолжали», «многие обедновели» на службе, у многих под Псковом лоша-

ди побиты, пограблены и оттого стали «пеши»; «поместейца и то все, — по литовскому, бельскому и усвятскому рубежу»; «крестьяншка... от городского дела», стрелецких подвод, всяких платежей разбрелись во внутренние города и за рубеж. Служилые люди просили о выдаче им жалованья²⁸. Если действительно продовольственное состояние служилых сотен было таково, Шереметев должен был с ним считаться.

Военные операции во время пребывания Шереметева под Полоцком

а) под Сушей

Во время стояния под Полоцком В. П. Шереметев давал отдельные поручения Ждану Кондыреву и Стрешневу. В начале июля из полка Кондырева были посланы [на реку] Сушу к югу от Полоцка с головами дворян и детей боярских и новгородских, псковских и луцких казаков и «олонцовских» драгунов с начальными людьми; 7 июля произошел бой с литовскими людьми, которых русские побили — «языков, и знамена, и литавры, и наряд поймали»²⁹.

в) Взятие Десны и Друи

Стрешнев был направлен под литовские города под Десну и Друю: Десна «добила челом», а Друю «взяли и высекли и выжгли»³⁰; это произошло до 20 июля, затем на стане под Смоленском получено было это же известие 24.VII³¹.

с) Взятие Глубокого

Наконец Ждана Кондырева В. П. Шереметев посылает от себя из Полоцка с полком под литовский острожек Глубокое. С ними конные и пешие ратные люди; по-видимому, состав его отряда был сформирован... и не с тем, что значилось в его полку по наряду; по крайней мере, новгородцев. Кроме Бежецкой и Обонежской пятины³² (голова Михаил Васильевич Теглев, голова Панкрат Семенович Путилов)³³, с ними были сотни новгородцев Вотской и Деревской пятин (голова Григорий Обрютин)³⁴, Вожеск и Бежецк (голова Наум Васильев, сын Креницин)³⁵, Шелонской пятины (голова Григорий Григорьев, сын Чириков)³⁶, Деревской пятины (голова Иван Бухвостов)³⁷ 20 июня с Десны сообщил В. П. Шереметеву Данил Неплюев, что полковник Полоцкий Петр Бегонский «стоит в сборе в Глубоком, а хочет притти войной к Десне».

²⁸ Там же. Л. 75.

²⁹ Там же. Л. 242; Столбцы Московского стола. № 255. Л. 92, 96.

³⁰ Там же. Л. 184—185.

³¹ Дворцовые разряды. Т. III. С. 436; Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 110—111.

³² Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 76.

³³ Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 24, 25, 86, 16, 17, 135.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 8.

³⁶ Там же. Л. 57.

³⁷ Там же. Л. 76.

²⁶ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 404—405.

²⁷ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 239—240.

У Ждана Кондырева был в ертауле голова стольник Петр Жданов сын Кондырев, «а у него был в ертауле стольник Иван Жданов сын Кондырев и дворяне — дети боярских розных городов»³⁸. 23 июня у Кондырева на реке Плисе был бой: «из острожка Глубокова польские и литовские люди на выпадку выходили и бились и с ними был бой и после бою боевыми счастьем острожек Глубокое взяли, высекли и выжгли», литовских людей многих побили и языков поймали»³⁹. Взяты были в полон Петр Беганский, знамена, литавры, острог и посад сожжен; желецких людей «побили всех на голову»⁴⁰.

Взятие Озерищ и Усвята

Всем этим действиям, предприятиям из Полоцка нельзя отказать в целесообразности. Наконец в тылу оставался еще ряд занятых укрепленных пунктов. Еще когда В. П. Шереметев двинулся из-под Невля к Полоцку, другой дорогой был послан Стрешнев под Озерища, как раз по дороге от Невля к Витебску. Но во время первого прихода Стрешнева к Озерищам дело ограничилось только незначительным столкновением; Озерища взяты не были. Стрешнев двинулся к Десне и острогу Друю⁴¹. Позднее он вновь вернулся под Озерища; он писал в своей отписке, что 3 августа он «учинил» около Озерищ осаду и бился с литовскими людьми, осадные сидельцы, Вилим Станкевич «город сдали». О том-де ему было приказано двинуться к Усвяту — другому укрепленному пункту в тылу войск Шереметева⁴² и далее к Сурожу. Усвят был захвачен уже в то время, когда Шереметев находился под Витебском. Стрешнев осадил Усвят «накрепко» 16 августа и бился с литовскими людьми «безпрестанно», а августа 23-го усвятский староста Степан Казимирович Ентковский и литовские люди «добили челом» государю и город сдали⁴³.

Осада и взятие Витебска

В. П. Шереметев ушел из-под Полоцка 6 августа, пришел под Витебск 14 августа и овладел им, после трехмесячной осады, в ноябре [месяце] 18-го [числа]⁴⁴.

Под Витебск с В. П. Шереметевым пришли не все войска, которые были с ним под Полоцком: часть их была выделена Стрешневу, часть оставлена гарнизонными в занятых городах и острожках, часть действовала со стороны Пскова. [Например], «всего людишек было под Псковом около 4000 человек»⁴⁵, тогда как в полку одного Шереметева, как указано выше, было по Разрядному списку в

начале похода 8700 человек⁴⁶. В день прихода под Витебск, 14 августа, был бой с литовскими людьми, выходившими на вылазку. 18 августа был приступ к городу, но «витебчане отсиделись»⁴⁷. 24 сентября отбита новая вылазка из города. 17 ноября — новый приступ, в котором «государевым счастьем два острога взяли и высекли государевым же счастьем другие два города государю доби́ли челом»⁴⁸.

В сентябре В. П. Шереметев писал, что 15 сентября им получена государева грамота «над Витепском промышлять зговором и подкопом и зажом и приступать не велено, чтоб твоим государевым ратным людем изрону не было; и по твоему государеву указу, мы, холопы твои, о зговоре к витепским сидельцом посылали многожды, чтоб тебе, государю, доби́ли челом и город здали и витепские, государь, сидельцы про здачу города нам, холопом твоим, отказали, а приступать бес твоего государева указу не смеим»⁴⁹.

24 сентября с предложением сдачи Витебска был послан Шереметевым Афанасий Лаврентьевич Нашокин; сидельцы отвечали, «чтоб им показать смоленских сидельцов и как они увидят смоленских сидельцов и они город здадут»⁵⁰. «Подкопщиков немецких и русских людей никого нет», писал Шереметев, «а для зажогу у нас, холопей твоих, приготовлено щиты и возы с соломой и с смоляными дровами и бочки смоляные и зажечь некоторыми мерами не уметь, потому что в день и в ночь беспрестанные дожди. А в городе, государь, сидельцы, литовские люди, многие, которые выходцы на твое государево имя выходят, и те сказывают, что всяких чинов людей в Витепске тысяч с десять, и вылазки, государь, из города частые, а выходят пешие люди с рогатины и с топорки, и с бердыши, и в шанцах, государь, твои государевы ратные люди пешие стрельцы, и драгуны, и салдаты стоят все беспременно в день и в ночь. Да к ним же, государь, посылаем мы, холопы твои, голов с сотнями, а велим стоять блиско шанец. Семен же Стрешнев по сентябрь 16 под Витебск не приходил»⁵¹.

Ждан Васильевич Кондырев в цитированной уже выше отписке от сентября 25 обвинял Шереметева в бездеятельности под Витебском: «и как, государь, пришли под Витепск, осадили и стоим под Витепском, и боярин в съезжей шетер ни единожды не бывал, а я, холоп твой, по всякой день для твоих государевых дел приезжал к нему в стан и челом ударил, и он со мной, холопом твоим, ничево не говаривал и вестей мне никаких не сказывает, а как промысл над городом учинить — о том со мной не говорит и о том не приказывает — какой промысл над городом учинить. И сентября, государь, в 9-й день приехал я, холоп твой, к его боярскому шетру и вшел к нему в шетер для твоего государева дела и челом ударить и стал ему, боярину, говорить о твоем государеве деле, что стоим под

³⁸ Там же. Л. 141.

³⁹ Там же. Л. 7—8.

⁴⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 111.

⁴¹ Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 24—25.

⁴² Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 97; Дворцовые разряды. Т. III. С. 443—444.

⁴³ Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 92.

⁴⁴ Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 103—104; Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 401.

⁴⁵ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 218.

⁴⁶ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 72.

⁴⁷ Там же. № 212. Л. 94.

⁴⁸ Там же. Столбцы Московского стола. № 255. Л. 104.

⁴⁹ Там же. Столбцы Севского стола. Л. 216.

⁵⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 212. Л. 65—66.

⁵¹ Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 216—217.

городом, а никакова у нас промыслу нет, а город и остроги место немалое, а то знатно, что люди небольшие и на выласку выходят малые люди и чтоб над ними промыслять, прося у Бога милости всякими промыслами. И он, боярин Василий Петрович, почал кручинитца и меня безчестить небыличным делом и называть меня холопом Артемия Измайлова, и после, государь, той речи называл и держальником Артемьевым, а сын его, Матвей Васильевич тожа учал кручинитца и пуще отца своего и то, государь, слышали многие дворяне и с того числа мне, холопу твоему, к нему в стан ездить для твоих государевых дел немочно, а в съезжий шетер боярин не ездит, а я, холоп твой, приезжаю в шетер всегда, а его очей не вижу и делать нечево и промыслу мне над городам мимо ево, боярина, немощно; пеших ратных людей у меня, холопа твоего, нет и меня не слушают, а преж сего к тебе, государю, о том писать не смею: по мне твой государев милостивой приказ — «жить в совете», и промыслять сопча. И я все то терпел... а топер, государь, терпеть мочи моей не стало, видя то, что над городам промыслу никакова нет и стоим безопасно все врозни, что татарские юрты и крепостей около нас никаких нет: есть ли, государь, приходу к какому хотя малые люди и они над нами беды потресут и чтоб мне, холопу твоему, в ево боярском нестроении от тебя, государя, в опале не быть»⁵².

29 октября к В. П. Шереметеву была прислана грамота, ясно показывающая, что русская ставка не имела твердой уверенности в успешности осады Витебска; она, впрочем, отменяла прежнее решение не предпринимать приступа: «велено вам над Витепским промыслять всякими обычаями, и будет в Витепску мужики засидятся... и города Витепска не здадут, а вам... дойдет время от Витепска отступить и вы б послали в Витебской и в... уезды, села и деревни выжечь без остатку»⁵³.

Через полтора месяца после этой жалобы Витебск был взят приступом. В отписке князя Юрия Рамадановского об этом рассказывается так: «государь во 163-м году ноября в 17 день к Витепску приступали и милостию, государь, Божией и Пречистые Богородицы помощью и московских чудотворцов молитвами и твоим, государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца и сына твоего, государя нашего да благоверного царевича князя Алексея Алексеевича счастьем — два острога до Витепска и реки взяли, а в верхнем, государь, каменном городе и в деревянном заперлися шляхта и мещаня и бивса просили у тебя, государя, милости, чтоб к ним твоя государская милость была против их пунктов на четь им твой государев указ Афонасей Нащокин привез и по твоему государеву указу боярин и воевода Василей Петрович Шереметев с товарищи твой, государев указ им сказал, на чем ты, государь, пожаловал их против пунктов. И витебские, государь, шляхта и мещаня тебе, великому государю, доби́ли челом и Витепск Верхней каменной и деревянной город здали и твои, государь, ратные люди в Витепске в Каменной и в деревя-

ной город вошли ноября в 18 день, а под Сурож, государь, и под Велиж твои, государевы ратные люди пойдут вскоре»⁵⁴.

Потери русских под Витебском были невелики. Из 4130 человек пехоты было убитыми и умершими от ран — 60 человек, ранено — 62 человека, взято в плен — 8, больных — 253 (все из одного полка М. Каршихина — из 613 человек); всего — 383 человека*. В. П. Шереметев сообщал, что осаду сидельцы сдали, два «верхних города», «видя свое изнеможение»⁵⁵.

Военные операции во время осады Витебска

Неуверенность в успешности осады Витебска внушалась опытом осады Смоленска, приближения зимы, обычно прерывавшей военные операции, а также и тем, что область, захваченная силами Шереметева, далеко еще не была обозначена за русскими и военные действия продолжались еще в тылу главных сил этого фронта. Усвят, как указано выше, сдался в то время, когда Шереметев осаждал Витебск. Еще не был взят Сурож и Велиж. Польские и литовские отряды появлялись то здесь, то там: надо было освободить местность и предупредить их появление.

а) Посылка в Виленский уезд

В начале сентября полковник Василий Золоторейко посылал в Виленский уезд «для конских кормов» черкасов 500 человек, и на них «наехали» в Виленской уезд Оршанского повета в местечке Белицах маршалка Оршанского полка Голянского, урядника Поклонского 7 литовских людей. Черкасы их побили, языков поймали, взяли знамена и барабаны⁵⁶.

От 163 г. сентября 16 (1654 г.) известна запись грамоты о посылке в Виленский уезд и под Вилину Ждана Васильевича Кондырева и с ним полковника Василия Золоторейка с 1000 человек охотчих людей, или «лутчих людей»⁵⁷.

в)... на Десну

Сентября 22-го под Десной русские ратные люди подверглись приступу литовских людей под начальством полковника Корфа. Против них был послан из-под Витебска Матвей Васильевич Шереметев (ноября 25) с 7 дворянскими сотнями и 500 черкас из полка Василия Золоторейка⁵⁸.

с) Появление литовцев под Полоцком

В то же время литовцы появлялись и под Полоцком. Около сентября 25 из Полоцка Иван Веригин послал против собравшихся в местечке Горли литовских людей новгородских стрельцов Андрея

⁵² Там же. Л. 240—241.

⁵³ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 310—311.

⁵⁴ Там же. Л. 400—401.

* Ссылка: Столбцы Севского стола. № 157. Л. 213 — не соответствует тексту.

⁵⁵ Там же. № 212. Л. 43—44.

⁵⁶ Там же. Л. 77, 80, 82.

⁵⁷ Там же. Л. 180.

⁵⁸ Там же. Л. 173.

Веригина с полоцкою шляхтою и с детьми боярскими и стрельцами и казаками; литовские люди были разбиты, захвачены знамена и барабаны⁵⁹. В ноябре (до 19) Иван Веригин имел удачное столкновение с литовскими людьми в местечке Косще⁶⁰. 22 XI. — сурожские сидельцы, осажденные Семеном Лукьяновичем Стрешневым, видя от русских «всякую тесноту», «добили челом» и город Сурож «сдали».

Операции из Пскова под Лужей, Режицей и Улехом

Совершенно самостоятельные военные операции велись из Пскова под руководством воеводы псковича полковника Ивана Салтыкова. События под городом Улехом характерны как показатель того, как руководились военные действия общим планом. 11-го июля воеводе Ивану Ивановичу Салтыкову во Пскове «учинилось людьми», что жители литовских городов Лужи, Режицы, Улеха и Винборха (Даненбург?) хотят перейти в русское подданство и ждут о том к себе «зговорщиков». Салтыков отправил с этой целью голову Ивана Молвянинова с «просежею станицею»⁶¹. 28 июля Молвянинов уже сообщал, что жилецкие люди и пашенные мужики сдали Улех и «веру и обещанье дали» быть в вечном подданстве⁶². Укрепления Улеха, хотя и были каменными, но «четвертая доля стены до подошвы розвалилась»; никаких припасов в городе не было; а «державец», которому тот город был «приказан», был захвачен стрельцами из Острова, а мыза «державца» разграблена⁶³; волостных людей, приносивших присягу, было 218 человек⁶⁴.

Из-под Улеха голова Иван Иванович Молвянинов посылал под Лужу (Люцин—тож) «для сговору» 3 человек дворян и детей боярских, Герасима Шубина с товарищи. Посланные сообщили, что за день до их приходу из Опочки от Боргаса Бухвостова был прислан под Лужу голова стрельцов Иван Нефедьев с стрельцами, атаман казачий Ларя Костров с казаками, стрелецкий голова Петр Елагин с стрельцами из Заволочья; они не пустили Герасима Шубина к Луже «для сговору» и, «переняв» их, «били обушками и пищальными дулами» «до умертвия, и держали у себя в стану день да ночь и память, какову он, Иван (Молвянинов), дал им для зговору литовских людей, у них отняв, изодрали и говорили де им, будто они посланы из Пскова к Лужу от нас, холопов твоих, не по твоему государеву указу, воровски и их называли ворами и изменниками и от города от Лужи отбили с великим бесчестьем и отказали, что они на псковской указ плюют и нас, холопов твоих, лаяли и бесчестили и то де, государь, видя, литовские люди города Лужи

опочецким голове и сотникам и стрельцом и атаману и казакам не здали и по них из города из Лужи стреляли из наряду и из затинных; и многих де опочецких стрельцов и казаков побили, а иных ранили, и те де, государь, опочецкие и заволочские головы и стрельцы и атаман с казаки из-под Лужи сошли на Опочку и ныне де, государь, в Лужи в собрание литовских людей человек с триста, да они же де, государь, ожидают из-за Двины пана Курманского с ратными людьми, а хотят итти войною в твою государеву сторону; а как, холоп твой, псковскаго и псковских пригородов и Улежского уезда волостных крестьян убережь некем. А во Гдове, государь, ныне стрельцов двесте человек, солдат триста человек; а на Опочке, государь, стрельцов триста человек, казаков сто человек; в Заволочье стрельцов — двесте пятьдесят человек»⁶⁵.

От 20 августа грамота со стана из Снежанского Ивану Ивановичу Салтыкову о посылке под Лужу, Режицу и Винборг Льва Ивановича сына Салтыкова и с ним Степана Елагина с ратными людьми⁶⁶, со строжайшим приказом не иметь никаких «задоров» с немецкими людьми, а за нарушение этого «заказа» — «вешать, не писав» государю⁶⁷.

24 сентября с Львом Салтыковым и Степаном Елагиным были посланы 79 человек псковичей, пусторжевцев и невлян; «иные... не объявились, а иные стары и увечны и больны и малы»⁶⁸. Стрельцов — псковских с головой Ермолаем Ломановым — 500 человек, изборокских — 50 человек, островских — 23 человека, гдовских с Семеном Краснослеповым — 100 человек, опочецких — 100 человек, печерских монастырских стрельцов — 50 человек, солдат сомерских с капитаном Борисом Сваном — 125 человек; опочецких казаков — 50 человек, «домовых» детей боярских и монастырских «служек» — 70 человек. Всего конных — 199 (по итогу документа — 206) и пеших — 948. Итого — 1147 человек. «А посадские, государь, люди отказали, людей пеших и конных к службе не дали». Наряду отпущено — 3 пищали «полоторных», 2 пищали «полковых», 1 пищаль «волконенка», 1 пищаль полковая, 1 пищаль дробовая, 2 пушки «верховых». «Зелья» пушечного и ручного 79 пудов. Свинца 13 пудов⁶⁹.

Иван Салтыков сообщал в Псков, что они пришли под Лужу 8 октября (или 9-го) и осадили город «накрепко» с трех сторон, но литовские люди городка Лужи не сдают, «сидят накрепко и из города по твоим государевым ратным людям из наряду стреляют днем и ночью, а тот де, государь, город Лужа каменной, стоит в большой крепости, меж озер и болот, а оне де подошли под стену под их наряд»⁷⁰. 11 октября они посылали из-под Лужи невлянина Богдана Дяткова с ратными людьми под город Резицу. 12 октября Резицу «взяли боем и многих литовских людей побили, а иных в

⁵⁹ Там же. Л. 41—42.

⁶⁰ Там же. Л. 166.

⁶¹ Там же. Л. 39.

⁶² Там же. № 162. Л. 296—297.

⁶³ Там же. Л. 297.

⁶⁴ Там же. Л. 298.

⁶⁵ Там же. Л. 298—300.

⁶⁶ Там же. Л. 293—294.

⁶⁷ Там же. Л. 273—274.

⁶⁸ Там же. Л. 274.

⁶⁹ Там же. Л. 275.

⁷⁰ Там же. Л. 285.

а) Назначение Матвея Салтыкова в Витебск

Взятие Витебска, затянувшееся до начала зимы, надо считать окончанием активных операций на Новгородском фронте. Войска были распущены по домам и новым сроком явки в Витебск было назначено 25-е марта 1655 г.⁷⁸ Однако предположенный перерыв оказался невозможным. Уже 29 ноября В. П. Шереметев «по вестям» посылал ратных людей, голов с сотнями «до языков» и в другие посылки. В Ужищах на Полоцкой стороне реки Двины (на правой) встретили литовских людей, и «был бой». Литовские люди обнаружены были пешие и конные и за рекою Двиною недалеко от города Витебска (в 20—30 верстах): «а служилые люди» (писал В. П. Шереметев) «из Витебска отпущены по домам все и оборонять некому»⁷⁹. Но первоначально после-де на этой отписке предположено было послать в Витебск на место В. П. Шереметева его сына стольника Матвея Шереметева, придав ему ратных людей из-под Смоленска⁸⁰. В. П. Шереметеву указано было быть для береженья в Луках Великих⁸¹.

Матвей Шереметев указывал на то, что, согласно сообщению его отца, в Лукомле стоит в сборе конных и пеших польских и литовских людей 10 000 человек и оборонять Витебск не с кем. Однако резолюции и последующие грамоты предписывали Матвею Шереметеву поехать под Витебск с товарищем его стольником Борисом Плещеевым, уже не беря войск из-под Смоленска⁸². С роспуском главных военных сил давление польско-литовских отрядов усиливается, а также возникает и «изменическое» движение в присягнувших областях и городах.

В декабре (по-видимому), посланные из Полоцка Жданом Васильевичем Кондыревым солдаты «сошлись» с литовскими людьми в Полоцком уезде в селе Дохновщине (от Полоцка в 25 верстах), где было «в сборе» 70 человек литовских людей. «Тех литовских людей побии» и взяли «языков»⁸³.

В декабре же были получены вести о появлении литовских людей в г[ородке] Бешенковичах (недалеко от Витебска)⁸⁴.

В январе, по посылке Ждана Васильевича Кондырева из Полоцка, Полоцкого уезда луцкие казаки побии в Полоцком уезде литовских «загонных» людей⁸⁵.

В (11-го, см. ниже) январе 1663 г. произошла первая измена, событие неприятное по своему впечатлению. В отписке с Усвята Василия Креницына читаем: I. 12 «приходил пан Можайка с четырьмя хоругвами в Озерницкую волость в деревню Хвошно и пи-

полон взяли», а русские ратные люди «все здоровы»⁷¹. По сохранившейся росписи, укрепления в г. Резице были каменные стены с деревянными надстройками⁷². Взятие Лужи (Люцин тож) затянулось. В день прихода (8—9 октября) русских от Лужи ушел пан Ушицкий и, как русские узнали от языков, стал собирать людей на выручку Лужи: по данным сведениям, в Винобурге (в 100 верстах от Лужи) было сосредоточено 1500 человек, в Рушине мызе 700 человек (от Лужи в 70 верстах). У Льва Салтыкова уже появилась мысль о снятии осады, но «отходить, государь, им от города от Лужи», писал он, «нельзя, потому что с ними наряд большой»⁷³. В своей отписке от 7 сентября Л. Салтыков и Степан Елагин писали: «А ратных людей с нами, холопи твоими, мало и с теми малыми людьми под Лужою стоять не с кем и в Резице быть некому и наряду и пушечнова запасов и хлеба и соли нет; а из Пскова и из пригородов дорогою провести нельзя, что стало за большими крепостями, за водами, за болотами, а у нас, государь, в полку запасов нет, и добыть в литовской земли негде; а литовские люди того городка не здают, чают себе выручки, и из города по твоим государевым людям из наряду и из мушкетов бьют в день и в ночь беспрестанно, а тот, государь, город Лужа каменной стоит в большой крепости меж озер и болот...»⁷⁴ Из Пскова было послано под Лужу подкрепление (от Ивана Ивановича Салтыкова), порох и ядра и дано указание: «А будет, государь, придут литовские люди большие, и мы, холопи твои, велели им от Лужи отходить со всеми твоими государевыми ратными людьми и с нарядом, будет мочно, в Резицу»⁷⁵. По-видимому, этот наказ Ивана Ивановича Салтыкова своему сыну основывался на государственной грамоте от ноября 9 163 г. такого содержания: «Резицу разорить и выжечь, а желецких людей вывести в Псков и в иные города, в которые пригож, а будет и под Лужою промыслу учинить немочно, а ведомо учинитца про приход под Лужу литовских людей и воеводам со всеми ратными людьми от Лужи отступить и оберегать государевых городов, которые города на литовском и блиско литовского рубежа»⁷⁶. Однако же все эти опасения оказались преувеличенными: Люцин (Лужа тож) был взят 25 ноября. Лев Салтыков и Степан Елагин сообщали, что и у них под город Лужу подведен был под башню подкоп и ноября ж в 20 день подкопом взорвали башню «да острогу 12 сажен и оттого подкопу многих литовских людей камнем и деревьем побил, а после того ноября ж в 20 день городские сидельцы, убоясь подкоп и от промыслу и приступи — пан Дубровский — с товарищи государю добили челом и город Лютин здали», и русские «в город вошли того ж числа»⁷⁷.

⁷¹ Там же. Л. 277.

⁷² Там же. Л. 279—280.

⁷³ Там же. Л. 278.

⁷⁴ Там же. Л. 285.

⁷⁵ Там же. Л. 278.

⁷⁶ Там же. Л. 291.

⁷⁷ Там же. № 212. Л. 30—31.

⁷⁸ Там же. Л. 164—165.

⁷⁹ Там же. Л. 37—38, 146.

⁸⁰ Там же. Л. 147, 150.

⁸¹ Там же. Л. 239.

⁸² Там же. № 162. Л. 324—325, 324 об., 490—491.

⁸³ Там же. № 212. Л. 7.

⁸⁴ Там же. № 162. Л. 210.

⁸⁵ Там же. № 212. Л. 131.

сал лист от себя в Озерища, чтобы Озерища государевых людей посекали, и они тово листа послушали: твоих государевых салдатов посекали, а воеводу в тюрьму посадили, а сами заперлися в городе и к тому пану Можайке посылали трижды, и он к ним в город не поехал». «А со мною, холопом твоим», добавляет напуганный Крепицын, «на Усвяти твоих государевых людей тридцать человек луцких стрельцов и те живут помесечно». Наказ царя: «служить з береженьем» и говорить озерицким волостным людям, «чтоб оне вину свою принесли»⁸⁶. В другой отписке это событие описывают обстоятельней по рассказу 6 человек солдат, которым удалось убежать из Озерищ в г. Невль: 11 января «об обеде озерицские гайдуки и пушкари и уездные мужики тебе, государю... изменили и солдат» «посекли»; воевода Филимон Пущин с остальными солдатами «из города бежали через стену»; и озерчане их догнали, солдат посекали за исключением 6 человек, а воеводу взяли. В Озерищах были оставлены всего 30 человек солдат⁸⁷. На Луках В. П. Шереметев допрашивал солдат вновь, и они показали дополнительно, что взято было с уезда в прибавку к ним (30 солдатам) 100 человек «присяжных мужиков» «для города береженья», которые и «побивать почали», часть солдат засела с воеводой Филимоном Пущиным в его дворе⁸⁸. Позднее Озерища были вновь захвачены русскими и подверглись жестокой каре. В январе распространились слухи, что «на Невле почало быть: невелиские литовские люди, шляхта и мещане и жилецкие всякие люди, опричь ротмистра Бориса Комаровского да Винцета Буруковского, литовские люди от русских людей отставают и чают де того, что в тех невелиских литовских людех починает быть шатость». Большая шатость и в волостных мужиках, которые собираются якобы посесть русских людей в Невле так же, как и в Озерищах. Когда невелиский пушкар давал эти показания, литовские люди из Озерищ подходили к Невлю на расстоянии 6 верст⁸⁹. В предупреждение повторения озерицкой измены грамота от 31 января предписывает В. П. Шереметеву отправить с Лук Великих воеводу князя Дмитрия Сеитова в Невель с дворянами и детьми боярскими и казаками для сыска «про измену и про всякое дурно», и «которые невелиские жилецкие и уездные мужики объявятца в измене и ис тех ему изменников велено ему пущих заводчиков дватцать человек или больше казнить смертию, а иных сослать во Ржеву, а изо Ржевы — в Казань, с кем пригож»⁹⁰.

Ликвидация этих событий относится уже к следующему военному сезону.

21 января 1663 г. «По вестям», Матвей Шереметев послал голов с сотнями Павла Митрофанова сына Голенищева и Бориса Бухвостова, которые сошлись в первый день — 21 января с литовскими людьми ротмистром паном Юшковским в деревне Хотимле в

20 верстах от Витебска; литовских людей разбили, поймали «языков», захватили знамена и барабаны⁹¹.

26 января полковник Мажейка со многими людьми приходил под Невель и в этот день и «приступал» к нему, а затем отошел. В то же время литовские люди под командой полковника Лисовского около 1200 человек стоят в селе Язки и в селе Городце, намереваясь идти на Невель⁹².

15 февраля вновь приходили литовские люди в Витебский уезд конные и пешие, а Матвей Шереметев не имел возможности послать против них ратных людей, т. к. не имел в своем распоряжении команды⁹³. Указано было послать к нему из Лук Великих 100 человек конных.

В начале марта Василий Петрович Шереметев посылал в Витебск на «выручку» князя Дмитрия Сеитова.

III

Относительно продовольствия войск полка В. П. Шереметева наши документы сообщают следующие факты.

Государевы запасы хлеба и других продуктов были собраны в Луках Великих: «Велено во Пскове на ево государев обиход из Дворцового хлеба сделать дватцать тысяч чети ржи в сухари, да пять тысяч чети овса и крупы, пять тысяч чети в толокно; а изготова те запасы, велено перевезть изо Пскова на Луки Великие, а на Луках Великих те запасы велено устроить в амбары, а амбары сделать новые». Устройство амбаров возложено было на уездных людей; князь Дмитрий Сеитов писал, что сошные люди в уезде «учинились ему непослушны, потому что лучане: дворяне и дети боярские многие переписались по Пскову и по Торопцу, а поместья их и вотчины в Луцком уезде». В указе февраля 19 162 г. предписывалось высылать их на работу «безо всякого мотчанья»⁹⁴.

Амбары с хлебом находились в ведении «городового прикащика» и «хлебного прииму» целовальников лучан посадских людей. По их «книгам», которые они подали около марта 20 164 г., в Луки было прислано в 162 г. из Пскова 2053 четей круп овсяных, 2147 четвертей толокна, 200 четвертей муки ржаной, 606 четвертей сухарей. В 163 г. прислано из Пскова — 9402 четверти сухарей; из Новгорода Великого, из Тихвина монастыря — 110 четвертей сухарей⁹⁵. По смете целовальников из 6 амбаров, «что строили луцкие помещики, дворяне и дети боярские, некоторые оказались дурно покрытыми и протекали, отчего оказались среди запасов «гнилые сухари и впредь не прочных» 83 чети сухарей⁹⁶.

Основной принцип всей продовольственной организации армии того времени заключался в том, что ратные люди или довольство-

⁸⁶ Там же. № 162. Л. 317—317 об.

⁸⁷ Там же. Л. 497.

⁸⁸ Там же. Л. 497—498.

⁸⁹ Там же. Л. 498—499.

⁹⁰ Там же. № 212. Л. 15.

⁹¹ Там же. Л. 17.

⁹² Там же. Л. 225.

⁹³ Там же. Л. 6.

⁹⁴ Там же. № 156. Л. 181—183.

⁹⁵ Там же. № 162. Л. 57—59.

⁹⁶ Там же. Л. 60—61.

вались собственными запасами, как служилые люди городовые, которые получали денежное жалованье, на которое должны были производить закупку сами.

Служилые люди, как указано выше, должны были еще по зимнему пути везти продовольствие в Луки Великие, где им отводились для того дворы (см. выше). Разумеется, здесь был расчет, что в походе можно было продовольствоваться за счет неприятельских областей, занимавшихся войсками. Уже в июне месяце, стоя под Полоцком, служилые люди тормозили движение вперед и вмешивались активно в препирательства В. П. Шереметева с его товарищем Жданом Васильевичем Кондыревым. Когда последний настаивал на незамедлительном движении к Витебску, то новгородец Иван Милюков «кричал», «чтоб под Витебск нейти. Я де ото всей рати бью челом, у нас де запасы не готовы»⁹⁷.

Как раз от июня 17-го в приложении к отписке В. П. Шереметева [имеется] челобитье торопчан и холмичей о выдаче им денежного жалованья — «малопомесные и беспомесные новики, служивые и неслуживые», «оскудали и одолжали», «многие обезконили на службе и оттого стали пеши». Поместья у них в порубежных уездах — крестьяне от «городового дела», стрелецких подвод, «твоих государевых платежей» разбрелись во внутренние уезды и за рубеж»⁹⁸.

В ... был решающий мороз, почему торопились со взятием Витебска и почему войска были тотчас же после его взятия распущены.

В аналогичном же положении находились и приборные люди — немецкие и драгунские солдаты, образовавшие полки иностранного строя и составлявшие основное по количеству ядро всей армии В. П. Шереметева. Челобитная заонежских солдат всего полка Александра Гамильтона от сентября 13-го рисует так их состояние: «на подъем» им было дано по 3 рубля, «и на те деньги», говорят челобитчики, «поехали мы на твою государеву службу. Покупали мы суды, а запасы дорогою ценою, а теперь, государь, будучи на твоей, государеве службе, нам, холопом твоим, есть-пить нечего и одеться нечим, голодны и холодны, а стоим, государь, теперь мы, холопи твои, под городом Витебским сверху по Двине и к городу мы на приступе были, из города литовские люди к Острошку нашему выходят почасту днем и ночью безпрестанно», караулы частые, «побивают и ранят многих», «работа большая безпрестанно», ставили острожки, «шанцы копали»⁹⁹.

В январе 163 г. (1655 г.) по [памяти] Афанасия Нащокина из Винфлянти, что многие из сумерских солдат «с голоду и с наготы» бежали из Винфлянти к себе в Сумерскую волость, Степан Елагин (воевода этой волости) вместе с полковником Иваном Сваном ездил для высылки беглецов обратно на службу¹⁰⁰.

Были некоторые категории ратных людей, которым платили жалованье хлебом. Так в феврале 164 г. (1656 г.) было указано князю Дмитрию Сеитову выдать 50 человекам луцким пушкарям хлебное жалованье по 2 чети ржи человеку из хлебных луцких запасов¹⁰¹.

В совершенно исключительном по трудности положении находились инородческие отряды из далеких от театра военных действий местностей. В полках Семена Лукьяновича Стрешнева было около 400 человек ногайских и едисанских татар, прибывших из Астрахани. Они пришли во Псков в мае 1654 г. и сейчас же били челом о денежном жалованье, «поденном корме», «чем им из Пскова на твою государеву службу поднятца и в дорогу запасы покупитца». Семен Лукьянович Стрешнев взял деньги у воеводы псковского Ивана Ивановича Салтыкова и раздал двум мурзам по 4 и 3 алтына поденного жалованья, рядовым татарам — по 6 денег; тоже было дано (по 6 денег) и 30 человекам астраханским стрельцам, приехавшим вместе с татарами¹⁰².

IV

Тыл был лишен почти всяких вооруженных сил. В 162 г. июля 26-го (1654 г.) князь Юрий Буйносов-Ростовский с товарищем Василием Шпилкиным сообщал, что отставные новгородцы, которым было велено быть с ним в Новгороде, «ослушаютца... и сказывают, что они отставлены от твоей государевы полковые службы за старость и за увечье, а иные за бедность» и что вместо них служат их дети, братья и племянники. Те, которые явились в Новгород, оказались старыми и больными, «а иные и слепы и увечны». Кроме одного приказа стрельцов, разосланных в посылки с разными поручениями, в Новгороде не имелось ратных людей. Помета на этой отписке гласит, чтоб отставные дворяне и дети боярские были в Новгороде, «а теж не отыматься что за них в полках дети и братья»¹⁰³.

Служилые люди, находясь в походе, часто зависели от своих холопов, через которых велись все сношения с деревнею. Бывали часты побеги холопов от служилых людей из полков, против чего уже в 162 г. (1654 г.) был издан указ. По новому применению этого указа в 162 г. из Новгорода князь Юрий Буйносов-Ростовский пишет, что июля 30 к нему привели беглого холопа Андрея Ададунова Юрия Петрова. «С пытки» он показал, что на Луках Великих он заболел и был оставлен своим владельцем до выздоровления, чтобы нагнать Ададунова под Невлем. Но холоп не пошел за ним, а, вернувшись в поместье, выкрал своих жену с детьми и две лошади и хотел уйти в «заонег». Ю. Буйносов-Ростовский велел повесить его¹⁰⁴.

⁹⁷ Там же, столбцы Севского стола. № 157. Л. 239—240.

⁹⁸ Там же. Л. 75—76.

⁹⁹ Там же. Л. 196.

¹⁰⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 162. Л. 495.

¹⁰¹ Там же. Л. 176.

¹⁰² Там же. Столбцы Севского стола. № 157. Л. 28—30.

¹⁰³ Там же. Л. 147—151, 147 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 176—181.